

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2021-61-136-150>

УДК 821.161.1.0+821.162.4.0

ББК 83.3(2Рос=Рус)52+83(4Сла)

Научная статья / Research Article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2021 г. Л. А. Сугай
г. Банска Быстрица. Словакия

© 2021 г. В. Билвески
г. Банска Быстрица. Словакия

ДОСТОЕВСКИЙ В СЛОВАКИИ: РОМАН «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ» В СЛОВАЦКИХ ПЕРЕВОДАХ

Аннотация: Статья посвящена рецепции наследия Ф. М. Достоевского в Словакии. Авторы отмечают пять парадоксов в истории эстетического бытования произведений русского реалиста в словацком культурном пространстве, литературно-эстетические и идеологические причины позднего прихода сочинений писателя к словацкому читателю и этапы трудного освоения полифонических романов классика. Тема «Достоевский в Словакии» привлекала внимание исследователей, но проблемы перевода произведений писателя на словацкий язык практически не анализировались. Главное внимание в статье уделено четырем переводам на словацкий язык романа «Преступление и наказание»: Петера Тврдого (1932), Зоры Есенской (1944, 1945), Зоры Есенской (1957, 1965), Юрая Клаучо (2006). Характеризуются трудности адекватной передачи отдельных лексических единиц, имеющих принципиальное значение в идейно-содержательном и стилистическом плане: имен существительных и имен прилагательных с уменьшительными суффиксами ('*пьяненькой*', '*старушонка*'); «сталкивание» в диалогах персонажей литературных и просторечных словоформ ('*убийца*'/'*убивец*'; '*квартира*'/'*фатера*'). Отсутствие в лексическом арсенале принимающего языка эквивалентных форм приводит к идейно-художественным потерям. Социально и культурно маркированные различия в речи персонажей, характерные для стилистики Достоевского, утрачиваются при переводе. Переводчику романов Достоевского приходится порой обращаться к серьезным филологическим разысканиям, чтобы передать нюансы слова, употребленного в оригинале.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, парадокс, «Преступление и наказание», перевод, словацкий язык.

Информация об авторах:

Лариса Анатольевна Сугай — доктор филологических наук, профессор, Почетный работник высшей профессиональной школы Российской Федерации, Университет

им. Матей Бела в Банской Быстрице. Tajovského, д. 40, 97401 Банска Быстрица, Словакия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-4047-9979>. E-mail: larisasugay@yandex.ru

Владимир Биловески — доктор философии, доцент, Университет им. Матей Бела в Банской Быстрице. Tajovského, д. 40, 97401 Банска Быстрица, Словакия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0822-2375>. E-mail: vladimir.bilovesky@gmail.com

Дата поступления статьи: 29.09.2020

Дата публикации: 28.09.2021

Для цитирования: Сугай Л. А., Биловески В. Достоевский в Словакии: роман «Преступление и наказание» в словацких переводах // Вестник славянских культур. 2021. Т. 61. С. 136–150. <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2021-61-136-150>

Обращаясь к теме «Достоевский в Словакии», сталкиваемся с рядом парадоксов.

Парадокс первый. За пределами России в славянском культурном пространстве самые первые сведения о Ф. М. Достоевском появляются в прессе именно в Словакии, но на словацкий язык произведения великого русского писателя будут переведены намного позже, чем на другие европейские языки, в том числе славянские. Так, первое упоминание Достоевского в словацкой печати относится еще к 1847 г. В журнале “Orol Tatranský”, в обзоре современной литературы, тогда отмечалось: «В России очень понравился роман “Бедные люди” петербургского писателя Ф. М. Достоевского. Русская критика сравнивает его с “Вертером” Гете и предсказывает ему большую славу, чем Гоголю, выдающемуся автору повестей» (цит. по: [13, с. 258]). После данной публикации 34 года о Достоевском в словацких источниках не говорилось ни слова, а произведения его не переводились на словацкий язык.

Парадокс второй. До 30-40-х гг. XX в. в Словакии переводились не романы Достоевского, вошедшие в золотой фонд мировой классики, а только проза малых жанров. С 1881 по 1900 г. было 17 переводов произведений Достоевского, тогда как переводов Льва Толстого за тот же период насчитывается 87 [27, с. 33]. Первая публикация текста Достоевского в Словакии — это письмо «Студентам Московского университета. 18 апреля 1878»¹ (*List k moskovským študentom*), напечатанное С. Г. Ваянским (Svetozár Hurban-Vajanský, 1847–1916) в журнале “Slovenské pohľady” (1881, č. 1, s. 277–279). В конце XIX – начале XX вв. на словацком языке изредка появлялись рассказы Достоевского, отрывки из «Записок из мертвого дома» и «Дневника писателя», а также два фрагмента из романов: «Сон Раскольникова» [16] и «Легенда о Великом Инквизиторе». Первым художественным произведением писателя в словацкой печати (1883) стал рассказ «Маленький герой», написанный в апреле 1849 г. Достоевским-петрашевецем в Петропавловской крепости.

Роман «Преступление и наказание» (*Zločin a trest*) был первым из романов Достоевского, полный текст которого в переводе Петера Тврдого (Peter Tvrдый, 1850–1935) появился в Словакии лишь в 1932 г. Для сравнения укажем: в Германии роман «Преступление и наказание» под названием «Раскольников» (*Raskolnikow*) в переводе Вильгельма Генкеля (Wilhelm Henckel) опубликован на 50 лет раньше — в 1882 г., а затем переиздавался многократно (параллельно с другими немецкими переводами); в Чехии роман «Преступление и наказание» (*Zločin a trest*) напечатан в 1883 г. в приложении

¹ Ответ на их письмо по поводу расправы мясников и торговцев Охотного ряда с учащейся молодежью.

к газете “Národní listy” — автор перевода Йозеф Пенижек (Josef Penížek); на английский язык роман перевел Фредерик Уишоу (F. Wishaw) в 1886 г.; в 1887–1888 гг. Б. Лондоньский (Bolesław Londyński) опубликовал свой перевод романа на польский язык (*Zbroń i kara*); в Болгарии роман («Преступление и наказание») печатался в 1889–1890 гг. — перевод выполнил Васил Йорданов.

Причиной позднего прихода романов Достоевского к словацкому читателю исследователи считают «“русифильский идеализм”, который преграждал путь критически настроенным русским произведениям»² [32, s. 73]. Александр Матушка (Alexander Matuška 1910–1975) писал в статье «Несколько слов о Достоевском» (1943) об идеализации образа России и связанных с ней надеждах словаков на национальное освобождение: «Мы верили в Россию как ни во что другое; верили в нее и тогда, когда во все остальное верить перестали; и наша вера не позволяла нам принять писателя, который как никто другой показал Россию не в лучах солнечного света, не мир помещицкой идиллии, не здоровье и безмятежность, а колебания, вражду страшных сил и темное дно гула и брожения...» [28, s. 6]. О национально-исторических условиях и русофильстве словаков, препятствовавших распространению сочинений писателя-реалиста, размышлял и профессор Андрей Червеняк (Andrej Červeňák, 1932–2012): «Достоевский своими образами трагических искателей и раздвоенных личностей не гармонировал с идейными настроениями словаков, возникшими в условиях национального и социального угнетения иноземными силами. Дверь Достоевскому в Словакию открыл XX век — век всевозможных противоречий и конфликтов также и в словацкой среде» [13, с. 257].

Не отрицая русофильство как препятствие на пути Достоевского к словацкому читателю, заметим, однако, что трагизм, социальные противоречия, раздвоенность личностей героев представлены и в опубликованных его рассказах, например, «Мальчик у Христа на елке» — *Chlapček u Krista pri vianočnom stromčeku* (1910, 1917), и в отрывках из крупных произведений («Дневник писателя», «Записки из мертвого дома» и др.). Немалой препоной к появлению на словацком языке «великого пятикнижия Достоевского»³ являлась, на наш взгляд, неготовность в конце XIX – начале XX вв. широкой словацкой читательской аудитории к восприятию полифонических романов, а также неготовность переводчиков к адекватному воссозданию их на словацком языке.

В цитированной выше статье А. Матушка коснулся трудности постижения произведений Достоевского: «Есть писатели, в произведения которых из-за слабости их брони проникнуть можно с первого раза; нет в них ничего такого, что бы защищало их; однако есть и произведения, более жестко укрепленные, — они противятся, сопротивляются и сопротивляются и не могут быть вычерпаны в несколько приемов; произведения, к которым необходимо возвращаться и которые могут даже и тогда не раскрыть свою сущность, — их послание не для того времени, в которое они возникли» [28, s. 6–7]. Произведениями, *жестко укрепленными*, критик считал именно романы Достоевского.

Говоря о запоздалых переводах произведений Достоевского на словацкий язык нельзя не учитывать и то обстоятельство, что многие словацкие русофилы, представители литературно-художественной элиты читали его сочинения в подлиннике (рус-

² Все словацкие источники цитируются по-русски в переводе авторов статьи.

³ Неофициальное название пяти самых масштабных романов писателя: «Преступление и наказание» (1866), «Идиот» (1868–1869), «Бесы» (1871–1872), «Подросток» (1875) и «Братья Карамазовы» (1879–1880). Такое название неофициального цикла — литературная аллюзия: улавливается связь с «Пятикнижием Моисея» (пять первых книг Библии).

ским языком владели, например, С. Гурбан-Ваянский и П. Орсаг-Гвездослав (P. Országh Hviezdoslav, 1849–1921) или знакомились с ними по чешским, немецким или польским переводам.

Парадокс третий. Достоевский стал самым переводимым на словацкий язык и самым читаемым автором в годы Второй мировой войны и военного Словацкого государства, сателлита фашистской Германии. В тот период наблюдался небывалый всплеск интереса к русской литературе в целом: шестьдесят девять книг было переведено на словацкий язык, в том числе девять книг Достоевского. Этот феномен можно понять, с одной стороны, как протест словацкой интеллигенции, воспитанной в русофильских традициях, против официальной политики, с другой стороны, в романах великого русского писателя, с его познанием души человеческой и эпохальными пророчествами, словацкие читатели, литераторы, деятели культуры искали ключи к постижению всечеловеческой трагедии современности.

В 1941 г. Рудольф Клачка (Rudolf Kláčka, 1892–1975) перевел повесть «Село Степанчиково и его обитатели» (*Obec Stepančíkovo a jej obyvatelia*). В 1943 г. в переводе Петера Тврдого вышло второе издание «Записок из мертвого дома» (*Zápisky z mŕtveho domu*). Романы «Братья Карамазовы» (два тома: *Bratia Karazamovci*) и «Преступление и наказание» были переведены и опубликованы Зорой Есенской (Zora Jesenská, 1909–1972) в 1942–1944 гг. 1945 г. принес словацким читателям роман Достоевского «Идиот» (*Idiot*), переведенный Марией Разусовой-Мартаковой (Mária Rázusová-Martáková, 1905–1964). Сочинения русского классика-реалиста были с воодушевлением приняты и получили широкий отклик в среде словацких интеллектуалов. Именно в тот период был остро поставлен в словацкой критике и вопрос о переводе и переводческой деятельности.

Известный литературовед, редактор, писатель, журналист, переводчик Михал Хорват (Michal Chorváth, 1910–1982) в работе «Проблемы нашего перевода» (1943) размышлял об адекватности перевода и отборе переводимых произведений, о системе подготовки будущих переводчиков и насущной необходимости качественных лексических и фразеологических словарей. «Наша словарная практика, — писал он, — находится в зачаточном состоянии, и авторы словарей до сих пор плохо понимали, какую функцию будет выполнять их работа. С этой точки зрения, при составлении иностранных словарей было бы необходимо учитывать переводческую функцию и включать в словарь, насколько это возможно, наиболее характерные обороты речи и оттенки с тем, чтобы находить все соответствия на нашем языке» [22, s. 92].

Парадокс четвертый. Когда к 50-м гг. XX в. переводческая практика в Словакии достигла определенного уровня и начала складываться словацкая переводческая школа, Достоевского перестали переводить. Согласно официальной трактовке, творчество Достоевского рассматривалось как неприемлемое для словацкого читателя, не отвечающее запросам социализма в силу «его иррационалистических (шопенгауэрских) теорий человеческого страдания и религиозно-метафизических размышлений о смысле жизни» [30, s. 86]. После недолгого периода либерализации шестидесятых годов, когда книги Достоевского вновь появились в Словакии на книжных прилавках и библиотечных полках, в годы «нормализации» Достоевского опять перестали переводить, а уже переведенные произведения оказались недоступными широкому читателю. Так, все издания романа «Братья Карамазовы» в переводе Зоры Есенской (1942, 1962, 1967) были изъяты из обращения и списаны в 1969–1970 гг. После 1971 г. перевод романа сохранился только в частных библиотеках. Аналогичная ситуация произошла

еще раньше с романом «Бесы» (*Diablom posadnuti*), переведенным Верой Хегеровой (Viera Hegerová, р. 1933): в 1967 г. 3000 непроданных экземпляров книги были изъяты из обращения. Возвращение наследия великого русского романиста в словацкое культурное пространство, активное переиздание его книг и новые переводы ожидалось после «бархатной» революции 1989 г., но переориентация книжного рынка на англо-американскую литературу и американизация словацкой культуры в целом привели к новому спаду публикаций русских авторов. Возрождение интереса к русской классике и переиздания произведений Достоевского в Словакии приходится на начало XXI столетия.

Как видим, препятствия на историческом пути освоения творчества Ф. М. Достоевского в Словакии, равно как и широкие возможности для перевода и публикации его произведений, были во многом обусловлены внелитературными — идеологическими и политическими — обстоятельствами. На современном этапе остро встает вопрос о подготовке новых переводов литературного наследия Достоевского — переводов, соответствующих современному уровню развития языка.

Парадокс пятый. Хотя тема «Достоевский в Словакии» неоднократно привлекала внимание исследователей, проблемы перевода произведений русского писателя на словацкий язык практически не анализировались. «Тема “Достоевский в Словакии” находится в начальном периоде изучения <...>» [13, с. 257] — констатировал в 1976 г. ведущий словацкий исследователь творчества Ф. М. Достоевского А. Червеняк. За прошедшие с того момента четверть века труды словацких и российских исследователей значительно изменили картину. Сам Андрей Червеняк анализировал русско-словацкие литературные связи, рецепцию наследия Достоевского словацкими прозаиками и «воздействие Достоевского на творчество словацких писателей, имея также в виду его влияние на всю духовную жизнь словацкого народа» [13, с. 257; см. также: 15, s. 121–186]. Юрай Копаничак (Juraj Kopaničák, 1921–1997) посвятил специальную статью словацким критическим работам о Достоевском [6; см. также: 25]. П. И. Кравцов рассматривал отношение словацких писателей С. Гурбана-Ваянского, П. Орсига-Гвездослава, Мартина Кукучина, Тимравы (Божены Спанчиковой) к наследию Достоевского в контексте литературно-критической и художественной рецепции его творчества западнославянской и южнославянской литературы в целом [7, с. 72–74]. Предметом анализа в монографии Михала Антоша (Michal Antoš, р. 1933) «Достоевский в Словакии» (*Dostojevskij na Slovensku*) стала литературная публицистика, отразившая на своих страницах эволюцию восприятия великого писателя и различные идейные подходы к его наследию (славянофильский, религиозно-философский, поэтологический) [14]. Мартин Лизонь (Martin Lizoň, р. 1977) сосредоточил внимание на иллюстрациях словацких книжных изданий Достоевского и характеризовал «возможные смысловые сдвиги, возникающие при процессе перевода с одного языка (литература) на другой (изобразительное искусство)» [8, с. 79]. При этом практически никто не рассматривал такой наиважнейший аспект рецепции произведений русского гения, как перевод их на словацкий язык, в том числе «смысловые сдвиги», возникающие при переводе с одного вербального языка на другой вербальный язык⁴. Но ведь именно с перевода начинается знакомство иноязычного читателя с произведением, его автором и культурой его страны. Перевод слу-

⁴ В значительно расширенной версии своей статьи [9] М. Лизонь пишет о проблемах межъязыкового перевода, о безэквивалентной лексике, о соотношении вербального и визуального переводов текста, указывает переводы на словацкий произведений Достоевского, но анализирует только визуальные примеры перевода.

жит осмыслению текстов широкой читающей публикой, вхождению творческого наследия переводимого писателя в инокультурное пространство.

Однако даже специальные исследования, посвященные переводам и рецепции русской классики в Словакии, в лучшем случае отмечают даты издания романов Достоевского на словацком языке и имена переводчиков. Переводческие стратегии, языковые, стилистические особенности романов, культурно-исторические реалии, национальный колорит, отличающие произведения великого русского писателя и представляющие немалые трудности для переводчика, практически не стали предметом специального рассмотрения.

О переводах произведений Достоевского на словацкий язык, о перекодировке текста и особенностях перенесения словообразов русского писателя в иную языковую среду не пишут ни исследователи его творчества, ни сами переводчики. Например, Г. Костоланска (Kostolanská Hana⁵, 1931–2008), переводчица романа «Идиот», в интервью, посвященном выходу в свет новой словацкой версии знаменитого творения, рассуждала о восприятии Достоевского в Словакии⁶, о трагической эпохе и пути к спасению, об идеальном герое Достоевского, о соотношении его романов с шедеврами европейской литературы, о М. М. Бахтине и полифонии сочинений романиста и о многом другом — только не о переводе романа как таковом [29].

Не затрагивает *проблем перевода* в статье “Problém Dostojevskij” переводчик его произведений Юрай Клаучо (Juraj Klaučo, нар. 1933), хотя характеризует Достоевского как одного из «тяжелых» авторов, но чье «непростое, сложное произведение действительно наследие веков» [24, s. 72].

В свое время выдающийся словацкий переводчик Зора Есенска констатировала: «Оценка переводов в нашей стране все еще недостаточна или поверхностна; редко случается, когда критик сравнивает перевод с оригиналом, но главным образом оценивает качества только по впечатлению. В критике — скажем, хвалебной — мы обычно читаем лишь только, что “словацкий язык перевода красивый и перевод свободный”. Причем эти вещи, то есть способность обращаться с речью без произвольной корявости и шероховатости — это только основа, без которой никто не может сделать хороший перевод. Это должно быть вполне очевидным требованием. <...> И мы считаем, что анализ переводов, где будут сравнивать перевод с оригиналом, очень помог бы нашей культуре перевода» [23, s. 8].

Зора Есенска подчеркивала, что «Достоевский подбирает слова очень точно и тщательно» [23, s. 11], но экспрессивную лексику писателя (слова типа «вломиться», «заорал») не относил к переводческим трудностям: «В конце концов, их нетрудно перевести на словацкий, потому что язык Достоевского коренится в источниках народной речи, и этот источник богат в нашей стране» [23, s. 11]. Большую трудность для переводчика, по ее словам, представляют лексемы с уменьшительно-ласкательными суффиксами: «Уменьшительные формы у Достоевского играют большую роль. В русском языке их много, гораздо больше, чем в словацком, но нужно было давать в переводе и такие, которых у нас не услышишь или можно услышать редко и только в простонародной речи, причем слово должно иметь такую же выразительность и эмоциональный

⁵ В опубликованном в газете “Čas” интервью с Ганой Костоланской явная опечатка в инициале переводчицы [29].

⁶ На вопрос корреспондента, что делает произведение Ф. М. Достоевского («Идиот». — Л. С., В. Б.) по-прежнему любимым, привлекательным для словацкого читателя, переводчица ответила: «Позволю только небольшую поправку к Вашему вопросу: любимым частью словацких читателей, так как не все его любят» [29].

акцент. Когда старый Карамазов был “пьяненький”, это требовалось передать неприличным словом “*opitučký*”, так как обычное “*opitý*” (пьяный), не выразило бы ни его полного опьянения, ни того, я бы сказала, эмоционального отношения, которое он имеет к своему опьянению и которое выражается в словесной форме “пьяненький” [23, s. 12]. В скобках переводчица добавляет, что в чешском переводе использовали только лексему «*opilý*» (пьяный).

«Пьяненький» («пьяненькой», «пьяненькие») — словоформы, которые чаще, чем в романе «Братья Карамазовы», встречаются в «Преступлении и наказании». Петер Тврдый использовал, как и в чешских переводах, во всех случаях форму “*opitý*” (пьяный) [17]. Следует указать, что имя прилагательное качественное «*пьяный*» (и субстантивированное «*пьяный*») в тексте романа встречается многократно⁷, а соотнесенные с ним четырежды употребленные автором словоформы «*пьяненькой/пьяненькие*», стилистически окрашенные и эмоционально акцентированные, никак не сводятся к речевой характеристике персонажа, но являются камертоном одной из составляющих полифонии романа, который родился из первоначального замысла романа «Пьяненькие» [3, с. 5; 309]. Отсутствие в лексическом арсенале принимающего языка слова с уменьшительно-ласкательным значением приводит не только к стилистическим потерям, но и к идейно-художественным.

В первом варианте перевода романа «Преступление и наказание», относящемся к 1944 г., Зора Есенска один раз (из четырех) рискнула употребить неологизм “*opitučký*”, созданный от “*opitý*” (пьяный) по продуктивной модели: *biely* — *bielučký* (экспр. чисто белый); *bledý* — *bledučký* (очень бледный); *krátky* — *kratučký* (короткий) и т. д.: “*Ležal som opitučký, prosím, a, ročujem, hovorí moja Soňa...*” [18, s. 27]. Дважды до и после приведенной реплики из монолога Мармеладова слово «*пьяненькой*» передано как “*opitý*”: “*a ja som ležal opitý*” [18, s. 22]; “*a ja...ležal som opitý, prosím*” [18, s. 28]. Что же касается патетических слов о Господе («И когда уже кончит над всеми, тогда возглаголет и нам: “Выходите, скажет, и вы! Выходите пьяненькие, выходите слабенькие, выходите соромники!...”» [2, с. 21]), то в этом отрывке речи «*пьяненькие*» в словацком варианте заменены существительным “*opilci*” — пьяницы.

В последовавших новых вариантах перевода (1957, 1965) Зора Есенска уже не употребляла предложенный ею неологизм. Во второй реплике Мармеладова вместо “*opitučký*” она использовала так же, как в других случаях, “*opitý*”, правда в структуре разговорного фразеологизма: “*Ležal som opitý ako čík*” («лежал пьяный в стельку») [19, s. 26; 20, s. 20].

С подобной трудной ситуацией переводчик сталкивается, воссоздавая на словацком языке характеристику Алены Ивановны, которую и автор, и герой, и другие персонажи (студент в питейном заведении, Порфирий Петрович, Свидригайлов) именуют словом «*старушонка*». 22 раза в тексте романа повторяется эта лексема, причем, изначально рисуя портрет процентщицы, автор как бы сталкивает два родственных слова, характеризующих Алену Ивановну, — «*старуха*» и «*старушонка*»: «*Старуха* стояла перед ним молча и вопросительно на него глядела. Это была крошечная, сухая *старушонка*, лет шестидесяти, с острыми и злыми глазками, с маленьким острым носом и простоволосая. Белобрысые, мало поседевшие волосы ее были жирно смазаны маслом. На ее тонкой и длинной шее, похожей на куриную ногу, было наверхено какое-то

⁷ Пьян — 27 раз; пьяный — 20 раз; пьяные — 10 раз; пьяных — 5 раз; пьяного — 5 раз; пьяным — 3 раза; пьяны — 2 раза; пьяном — 2 раза; пьяной — 1 раз; пьяному — 1 раз; + имя существительное пьяница — 6 раз [2].

фланелевое тряпье, а на плечах, несмотря на жару, болталась вся истрепанная и пожелтелая меховая кацавейка. *Старушонка* поминутно кашляла и кряхтела» [2, с. 8, курсив наш. — Л. С., В. Б.].

В «Русско-словацком словаре» находим все производные от лексемы старуха:

«стару́ха -и *ž* *starena*

старушэ́нция -и *ž* *hovor. iron*⁸. *starena, starucha*

стару́шка -и *ž* *starenka, babka, baička*

старушóнка -и *ž* *hovor. iron. pejér*⁹ *starucha, stariga*» [1, с. 613].

Как же сопоставление/противопоставление однокоренных лексем «старуха» — «старушонка» передавали словацкие переводчики?

В старом переводе П. Твyrдого противопоставлены “*starucha*” и “*staruška*” [17]. Лексему “*staruška*” “*Slovník slovenského jazyka*” (1959–1968) характеризует как уменьшительно-ласкательное существительное [31]. Оно встречается в сочинениях С. Г. Ваянского, но и у него, и в переводе П. Твyrдого это явно русизм.

Юрай Клаучо употребил в портретной характеристике процентщицы слова “*starena*” и “*babka*” [19, с. 8].

В первом варианте перевода Зоры Есенской в описании Алены Ивановны использованы словоформы “*starena*”, “*starenôčka*” и “*starenka*” [18, с. 13]; в переводах 1957 и 1965 гг. лексема “*starena*” (старуха) употреблена во всех случаях [19, с. 13; 20, с. 10]. Снятие в послевоенных переводах Есенской примеров ее собственного словотворчества (“*opitučký*”, “*starenôčka*”¹⁰) было, скорее всего, вызвано нападками критики. Даже в рецензии на первое издание ее перевода романа «Преступление и наказание» (в целом доброжелательной) Й. Вавро указывал на лексическо-стилистические вольности и погрешности переводчицы (перевода слов «пьяненькой» и «старушонка» рецензент не касался) (см.: [33]).

Ни один из переводчиков не передал оттенок уничижения и презрения при употреблении слова «старушонка», столь значимый в контексте «теории» Раскольниковова. И русизм “*staruška*”, и словацкая лексема “*babka*”, и созданное Есенской слово “*starenôčka*” — все данные формы имеют значение *уменьшительно-ласкательного* существительного, а не *уменьшительно-уничижительного*, как в оригинале.

Выбор переводчиков в какой-то мере оправдывает материал «Толкового словаря русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова (1935–1940), где слово «старушонка» сопровождается следующими пометами и ссылкой как раз на фразу Достоевского: «**СТАРУШÓНКА**, и, ж. (разг.). *Уменьш.-ласкат.* к старуха. *Это была крошечная, сухая старушонка лет шестидесяти.* Достоевский» [12, стб. 490]. В современных словарях толкование слова откорректировано. В словаре С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой в одном гнезде представлены с комментариями два однокоренных слова с разной эмоциональной оценкой: «СТАРУ'ХА, -и, ж. Женщина, достигшая старости. *Дряхлая с. Превратиться в старуху* (сразу постареть). [*уменьш.-ласк.* **старушка**, -и, ж. | унич. **старушонка**...]» [10, с. 763]. В Малом академическом словаре (МАС) анализируемое нами слово определено не только как *уничижительное*, но и как *разговорное*: «**СТАРУШÓНКА**, -и, род. мн.-нок, дат. -нкам, ж. Разг. *Уничиж.* к старуха» [11, с. 252]. Составители словаря в качестве примера словоупотребления привели цитату из пове-

⁸ *hovor. iron.* — *hovorové, ironický výraz* — разговорное, ироническое слово (выражение).

⁹ *pejér.* — *pejoratívny výraz* — уничижительное выражение.

¹⁰ Слово “*starenôčka*, -у, -чок” с пометами “*ž. zdrob. expr. (Jes-á)*” («женский род, уменьшительное экспрессивное (Есенска)») включил в свой состав *Slovník slovenského jazyka* (1959–1968) [31].

сти «Поединок» А. Куприна, но вполне могли сослаться на одну из 22 фраз романа «Преступление и наказание», например: «Да и что значит на общих весах жизнь этой чахоточной, глупой и злой старушонки? Не более как жизнь вши, таракана, да и того не стоит, потому что старушонка вредна» [2, с. 54].

Идиостиль Достоевского и для носителей русского языка — явление повышенной сложности. «Читая Словарь Достоевского, человек XXI века, воспитанный на современных — зачастую нормативно подсушенных, редакторски причесанных, информативно одно-однозначных — текстах, поражается прежде всего богатством, разнообразием и выразительной силой языка писателя, его великолепной, завораживающей читателя “неправильностью”, его “разговорностью”, граничащей временами с косноязычием, его информативной неисчерпаемостью и многозначностью, — констатируют Ю. Н. Караулов и Е. Л. Гинзбург. — Однако на деле, как показывает лексикографический анализ, эта неправильность и неоднозначность оборачиваются высочайшей изобразительной точностью и тонкостью в передаче тех интеллектуальных, эмоциональных, психологических, нравственных глубин русского национального характера, русского национального духа, до которых удалось добраться далеко не каждому из признанных классиков нашей литературы» [5, с. IX].

Переводчики же произведений Достоевского сталкиваются с целым рядом дополнительных трудностей: перевод собственных имен героев, часто имеющих у Достоевского скрытое символическое значение, перевод культурно-бытовых реалий русской жизни XIX в., перевод просторечий, диалектизмов, ломаной русской речи иностранцев, литературных реминисценций, передача безэквивалентной лексики и пр. Каждая из перечисленных позиций заслуживает специального рассмотрения. Упомянем, например, просторечное слово «убивец», которое бросает в лицо Раскольникову мещанин. Достоевский как бы специально противопоставляет литературную и просторечную формы слова, характеризуя речь персонажей разного социального и культурного статуса:

Мещанин на этот раз поднял глаза и зловещим, мрачным взглядом посмотрел на Раскольникова.

— Убивец! — проговорил он вдруг тихим, но ясным и отчетливым голосом...

Раскольников шел подле него. Ноги его ужасно вдруг ослабели, на спине похолодело, и сердце на мгновение как будто замерло; потом вдруг застучало, точно с крючка сорвалось. Так прошли они шагов сотню, рядом и опять совсем молча. Мещанин не глядел на него.

— Да что вы... что... кто убийца? — пробормотал Раскольников едва слышно.

— Ты убивец, — произнес тот, еще раздельнее и внушительнее и как бы с улыбкой какого-то ненавистного торжества, и опять прямо глянул в бледное лицо Раскольникова и в его помертвевшие глаза [2, с. 209].

Когда следователь Порфирий Петрович напоминает Раскольникову эту ситуацию, он использует правильную литературную форму: «...сто шагов с мещанинишкой рядом шли, после того как он вам “убийцу” в глаза сказал, и ничего у него, целых сто шагов, спросить не посмели!..» [2, с. 349]. В то же время, когда Миколка сознается в убийстве, то в его самооговоре звучит просторечие: «Виноват! Мой грех! Я убивец!» [2, с. 271].

Во всех словацких переводах различий между литературной и просторечной формами слова нет, переводчики употребляют одно имя существительное “vrah” — убийца. Социально и культурно маркированные различия в речи персонажей романа,

столь характерные для стилистики Достоевского, в большинстве случаев утрачиваются при переводе. Но не всегда.

Подобно разграничению слов «убийца» и «убивец» противопоставлены и сопоставлены слова «квартира» и «фатера» в разговоре Раскольников с простолюдинами (мастеровыми, дворником):

Квартиру хочу нанять, — сказал он, — осматриваю.
— Фатеру по ночам не нанимают; а к тому же вы должны с дворником прийти» [2, с. 134].

П. Тврды использовал в переводе только литературное слово “byt”:

— Byt chcem najat', — povedal, — obzerám ho.
— Byt v noci nenajímajú; a k tomu musíte prísť s dvorníkom [17].

В отличие от него Зора Есенска и Юрай Клаучо попытались индивидуализировать речь персонажей: мастерские и затем дворник произносят слово “kvartiel” [18, s. 124; 19, s. 199–200; 20, s. 157; 21, s. 162]. Обращаясь к этимологии русских слов «квартира» и «фатера» и устаревшего экспрессивного словацкого “kvartiel”, видим схожие и долгие пути заимствования данных лексем: «**КВАРТИРА I, КВАРТИР** quartier ст.-фр. quartier военный постой> гол. kwartier> нем. Quartier постоялый двор, наемный дом. <лат. quartarius < quartus четвертый; возможно, название связано с первоначальной формой оплаты наемного помещения: платили за три месяца, то есть за четверть года» [4, с. 2153]: «**ФАТЕРА, ФАРТЕРА, КВАРТЕРА, КВАРТИЕРА** ы, ж. quartier m., нем. Quartier > пол. kwatery. Фатера! *простореч. ...*» [4, с. 4586]. Подобное происхождение слова “kvartiel” в словацком языке отмечает “Stručný etymologický slovník slovenčiny” («Краткий этимологический словарь словацкого языка») Любора Кралика [26, s. 311].

Переводчику романов Достоевского приходится порой обращаться к серьезным филологическим разысканиям, чтобы передать нюансы слова, употребленного в оригинале.

К наиболее проблемным категориям для адекватного перевода относятся русские фразеологизмы, которые у Достоевского чаще всего даются в авторской интерпретации. Но данный вопрос заслуживает отдельного рассмотрения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Дорothyякова В., Филкусова М. и др. Русско-словацкий словарь. М.: Русский язык; Братислава: Словацкое педагогическое изд-во, 1989. 750 с.
- 2 Достоевский Ф. М. Преступление и наказание: Роман в 6 ч. с эпилогом / текст подгот. Л. Д. Опульская // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1973. Т. 6. 423 с.
- 3 Достоевский Ф. М. Преступление и наказание: Рукописные редакции / тексты подгот. и примеч. сост. Л. Д. Опульская и др. // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1973. Т. 7. 416 с.
- 4 Епишкин Н. И. Исторический словарь галлицизмов русского языка. М.: ЭТС, 2010. 5140 с.
- 5 Караулов Ю. Н., Гинзбург Е. Л. Язык и мысль Достоевского в словарном отображении // Словарь языка Достоевского. Лексический строй идиолекта / гл. ред. член-корр. РАН Ю. Н. Караулов. М.: Азбуковник, 2001. Вып. 1. С. IX–LXIII.

- 6 *Копаничак Ю. Ф. М. Достоевский в словацкой критике до 1945 года // Чешско-русские и словацко-русские литературные отношения. М.: Наука, 1968. С. 229–242.*
- 7 *Кравцов П. И. Творчество Достоевского в зарубежных славянских литературах // Достоевский в зарубежных литературах. Л.: Наука, 1978. С. 61–81.*
- 8 *Лизонь М. Достоевский в Словакии (к вопросу иллюстрированных изданий русской литературы) // Гуманитарный вектор. 2013. № 4 (36). С. 79–86.*
- 9 *Лизонь М. (Lizoň M.) Достоевский в иллюстрациях словацких художников (к вопросу иконического перевода вербального текста) // Nová filologická revue. 2013. Roč. 5. Č. 2. С. 6–29.*
- 10 *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. М.: ООО «А ТЕМП», 2006. 944 с.*
- 11 *Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Русский язык; Полиграфресурсы, 1999. Т. 4: С–Я. 800 с.*
- 12 *Толковый словарь русского языка: в 4 т. / сост. Г. О. Винокур, проф. Б. А. Ларин, С. И. Ожегов [и др.]; под ред. проф. Д. Н. Ушакова. М.: Гос. ин-т «Советская энциклопедия», 1940. Т.4: С — Ящурный. 1500 стб.*
- 13 *Червеняк А. Достоевский в Словакии (Основные проблемы восприятия Достоевского словацкой литературой // Достоевский: Материалы и исследования / ред. Г. М. Фридендер. Л.: Наука, 1976. Т. 2. С. 257–263.*
- 14 *Antoš M. Dostojevskij na Slovensku. (F. M. Dostojevskij v zrkadle slovenskej publicistiky). Nitra: Garmond, Nitrianska obdočka Spolku slovenských spisovateľov, Klub F. M. Dostojevského, 2009. 133 s.*
- 15 *Červeňák A. Človek v literatúre: (Dostojevskij a súčasná literárna veda). Bratislava: Slovenský spisovateľ, 1986. 208 s.*
- 16 *Dostojevskij F. M. Sen Raskolnikova / prel. J. K. Miľo // Slovenské pohľady. 1922. Roč. 38. Č. 3. S. 143–146.*
- 17 *Dostojevskij F. M. Zločin a trest: román v 6 častiach. Kn. 1–2 / prel. P. Tvrdý. Moravská Ostrava: Melantrich, 1932. 373 s. URL: https://zlatyfond.sme.sk/dielo/5137/Dostojevskij_Zlocin-a-trest-I/bibliografia (дата обращения: 29.09.2020).*
- 18 *Dostojevskij F. M. Zločin a trest: román. Sväzok 1–2. / prel. [z rus. orig.] Z. Jesenská. Martin: Matica slovenská, 1944, 1945. 340, [1] s. 338, [1] s.*
- 19 *Dostojevskij F. M. Zločin a trest / perl. Z. Jesenská; štúdiu nap. B. Rjuriková, prel. Helena Rochová. Bratislava: SVKL, 1957. 648, [2] s.*
- 20 *Dostojevskij F. M. Zločin a trest / prel. Z. Jesenská. Bratislava: SVKL, 1965. 512 s.*
- 21 *Dostojevskij F. M. Zločin a trest / prel. J. Klaučo. Bratislava: Petit Press, 2006. 516 s.*
- 22 *Chorváth M. K problémom nášho prekladateľstva // Chorváth M. Cestami literatúry I. Bratislava: Slovenský spisovateľ, 1960. S. 91–115.*
- 23 *Jesenská Z. Z prekladateľských problémov (Na margo prekladu Bratov Karamazovcov) // Slovenská reč. 1942/1943. Roč. X. Č. 1. S. 8–17.*
- 24 *Klaučo J. Problém Dostojevskij // Slovenské pohľady. Roč. 97 (1981). Č. 11. S. 63–72.*
- 25 *Kopaničak J. Dostojevskij a dnešok. Bratislava: Stimul, 1994. 387 s.*
- 26 *Králik L. Stručný etymologický slovník slovenčiny. Bratislava: VEDA, vydavateľstvo SAV, Jazykovedný ústav Ľudovíta Štúra SAV, 2015. 701 s.*
- 27 *Lesňáková S. Štatistický prehľad prekladov z tvoby ruských spisovateľov v chronologickom poradi // Ruská literatúra v slovenskej kultúre v rokoch 1836–1996. Bratislava: Ústav svetovej literatúry SAV, 1998. S. 32–33.*

- 28 *Matuška A.* Niekoľko slov o Dostojevskom // Živena. 1943. Roč. 33. Č. 1. S. 6–7.
- 29 O diele Fjodora Michajloviča Dostojevského hovorí prekladateľka A. Kostolanská // Čas. Roč. 5. Č. 255 (02.11.1990). S. 3.
- 30 *Pašteková S.* Transformácia obrazu ruskej literatúry (1945–1970) // Ruská literatúra v slovenskej kultúre v rokoch 1836–1996. Bratislava: Ústav svetovej literatúry SAV, 1998. S. 81–96.
- 31 Slovníkový portál Jazykovedného ústavu Ľ. Štúra SAV // Slovník.juls.savba.sk. URL: <https://slovník.juls.savba.sk/?w=staru%C5%A1ka&s=exact&c=yaf4&cs=&d=kssj4&d=psp&d=sss&d=orter&d=scs&d=sss&d=peciar&d=hssjV&d=ber nolak&d=noun db&d=orient&d=locutio&d=obce&d=priezviska&d=un&d=pskcs&d=psken#> (дата обращения: 29.09.2020).
- 32 *Tesařová J.* Emancipácia slovenského prekladu z ruskej literatúry (1939–1945) // Ruská literatúra v slovenskej kultúre v rokoch 1836–1996. Bratislava: Ústav svetovej literatúry SAV, 1998. S. 66–80.
- 33 *Vavro J. F. M.* Dostojevskij. Zločin a Trest. Roman. I., II / prel. Zora Jesenská; vydala Matica slovenská ako 38. a 39. sväzok Prekladovej knižnice, ktorú rediguje Dr. Ján Marták. Vytlačila Neografia v Terč. Sv. Martine roku 1944 // Slovenská reč. Roč. XII (1946). Č. 3–4. S. 125–128.

© 2021. Larisa A. Sugay
Banska Bystrica. Slovakia

© 2020 Vladimír Biloveský
Banska Bystrica. Slovakia

DOSTOEVSKY IN SLOVAKIA: THE NOVEL “CRIME AND PUNISHMENT” IN SLOVAK TRANSLATIONS

Abstract: The paper deals with the reception of F. M. Dostoevsky's legacy in Slovakia. The authors point out *five paradoxes* in the history of aesthetic existence of the works of Russian realist in Slovakia. They also identify literary, aesthetic and ideological reasons for the late arrival of the writer's works to the Slovak reader as well as the stages of difficult mastering of the classic's polyphonic novels. The theme *Dostoevsky in Slovakia* had attracted the attention of many researchers, but the problems of translating the writer's works into the Slovak language have not been analyzed yet. The paper focuses on four Slovak translations (Peter Tvrđý, 1932; Zora Jesenská, 1944, 1945; Zora Jesenská, 1957, 1965; Juraj Klaučo, 2006) of the novel *Crime and Punishment*. The authors specify the difficulties of an adequate transmission of the individual lexical units that are of the fundamental importance in the ideological and stylistic terms, e. g.: nouns and adjectives with diminutive suffixes, collision in the dialogues of characters of literary and vernacular word forms. The absence of equivalent forms in a lexical arsenal of receiving language leads to artistic losses. The socially and culturally marked differences in the speech of characters, representative for Dostoevsky's stylistics, are lost in translation. The translator of Dostoevsky's novels has to turn to serious philological research in order to convey nuances of the word used in the original.

Keywords: F. M. Dostoevsky, paradox, Crime and Punishment, translation, Slovak language.

Information about the authors:

Sugay A. Larisa — DSc in of Philology, Honorary Worker of the Higher Professional School of the Russian Federation, Matej Bel University, Tajovskeho St., 40, 97401 Banská Bystrica, Slovensko. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-4047-9979>. E-mail: larisasugay@yandex.ru

Biloveský Vladimír — PhD in Philosophy, Associate Professor, Matej Bel University, Tajovskeho St., 40, 97401 Banská Bystrica, Slovensko. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0822-2375>. E-mail: vladimir.bilovesky@gmail.com

Received: September 09, 2020

Date of publication: September 28, 2021

For citation: Sugay A. L., Biloveský V. Dostoevsky in Slovakia: the novel “Crime and punishment” in Slovak translations. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2021, vol. 61, pp. 136–150. (In Russian) <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2021-61-136-150>

REFERENCES

- 1 Dorot'iakova V., Filkusova M. i dr. *Russko-slovatskii slovar'* [Russian-Slovak dictionary]. Moscow, Russkii iazyk Publ.; Bratislava, Slovatskoe pedagogicheskoe izdatel'stvo Publ., 1989. 750 p. (In Russian)
- 2 Dostoevskii F. M. Prestuplenie i nakazanie: Roman v 6 ch. s epilogom [Crime and Punishment: Novel in 6 parts with an epilogue], the text was prepared by L. D. Opul'skaia. In: Dostoevskii F. M. *Polnoe sobranie sochinenii: v 30 t.* [Complete Works: in 30 vols.]. Leningrad, Nauka Publ., 1973. Vol. 6. 423 p. (In Russian)
- 3 Dostoevskii F. M. Prestuplenie i nakazanie: Rukopisnye redaktsii [Crime and Punishment. Handwritten revisions], the text was prepared by L. D. Opul'skaia i dr. In: Dostoevskii F. M. *Polnoe sobranie sochinenii: v 30 t.* [Complete Works: in 30 vols.]. Leningrad, Nauka Publ., 1973. Vol. 7. 416 p. (In Russian)
- 4 Epishkin N. I. *Istoricheskii slovar' gallitsizmov russkogo iazyka* [Historical Dictionary of Russian Gallicisms]. Moscow, ETS Publ., 2010. 5140 p. (In Russian)
- 5 Karaulov Iu. N., Ginzburg E. L. Iazyk i mysl' Dostoevskogo v slovarnom otobrazhenii [The language and thought of Dostoevsky in the dictionary display]. In: *Slovar' iazyka Dostoevskogo. Leksicheskii stroi idiolekta* [Dictionary of Dostoevsky's language. The lexical structure of the idiolect], editor-in-Chief Corresponding member of the Russian Academy of Sciences Iu. N. Karaulov. Moscow, Azbukovnik Publ., 2001, vol. 1, pp. IX–LXIII. (In Russian)
- 6 Kopanichak Iu. F. M. Dostoevskii v slovatskoi kritike do 1945 goda [F. M. Dostoevsky in Slovak criticism until 1945]. In: *Cheshsko-russkie i slovatsko-russkie literaturnye otnosheniia* [Czech-Russian and Slovak-Russian literary relations]. Moscow, Nauka Publ., 1968, pp. 229–242. (In Russian)
- 7 Kravtsov P. I. Tvorchestvo Dostoevskogo v zarubezhnykh slavianskikh literaturakh [Dostoevsky's work in foreign Slavic literatures]. In: *Dostoevskii v zarubezhnykh literaturakh* [Dostoevsky in foreign literature]. Leningrad, Nauka Publ., 1978, pp. 61–81. (In Russian)
- 8 Lizon' M. Dostoevskii v Slovakii (k voprosu illiustrirovannykh izdaniia russkoi literatury) [Dostoevsky in Slovakia (on illustrated editions of Russian literature)]. *Gumanitarnyi vector*, 2013, no 4 (36), pp. 79–86. (In Russian)

- 9 Lizon'M. (Lizoň M.) Dostoevskii v illiustratsiiakh slovatskikh khudozhnikov (k voprosu ikonicheskogo perevoda verbal'nogo teksta) [Dostoevsky in illustrations by Slovak artists (on the issue of iconic translation of a verbal text)]. *Nová filologická revue*, 2013, no 5, part 2, pp. 6–29. (In Russian)
- 10 Ozhegov S. I., Shvedova N. Iu. *Tolkovyĭ slovar' russkogo iazyka: 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenii* [Explanatory dictionary of the Russian language: 80,000 words and phraseological expressions]. Moscow, OOO "A TEMP" Publ., 2006. 944 p. (In Russian)
- 11 *Slovar' russkogo iazyka: v 4 t.* [Dictionary of the Russian language: in 4 vols.], edited by A. P. Evgen'eva. Moscow, Russkii iazyk Publ.; Poligrafresursy Publ., 1999. Vol. 4: S-Ia. 800 p. (In Russian)
- 12 *Tolkovyĭ slovar' russkogo iazyka: v 4 t.* [Explanatory dictionary of the Russian language: in 4 vols.], compiled by G. O. Vinokur, profesor B. A. Larin, S. I. Ozhegov [and other]; edited by professor D. N. Ushakova. Moscow, Gosudarstvennyi institut "Sovetskaia entsiklopediia" Publ., 1940. Vol. 4. 1500 columns. (In Russian)
- 13 Cherveniak A. Dostoevskii v Slovakiĭ (Osnovnye problemy vospriiatiia Dostoevskogo slovatskoi literaturoi) [Dostoevsky in Slovakia (The main problems of the perception of Dostoevsky in Slovak literature)]. In: *Dostoevskii: Materialy i issledovaniia* [Dostoevsky: Materials and Research], translated by G. M. Fridlender. Leningrad, Nauka Publ., 1976, vol. 2, pp. 257–263. (In Russian)
- 14 Antoš M. *Dostojevskij na Slovensku. (F. M. Dostojevskij v zrkadle slovenskej publicistiky)* [Dostoevsky in Slovakia. (F. M. Dostoevsky in the mirror of Slovak journalism)]. Nitra, Garmond, Nitrianska obdodka Spolku slovenských spisovateľov, Klub F. M. Dostojevského Publ., 2009. 133 p. (In Slovak)
- 15 Červeňák A. *Človek v literatúre: (Dostojevskij a súčasná literárna veda)* [Man in literature: (Dostoevsky and contemporary literary science)]. Bratislava, Slovenský spisovateľ Publ., 1986. 208 p. (In Slovak)
- 16 Dostojevskij F. M. Sen Raskolnikova [Raskolnikov's dream], translated by J. K. Mišo. *Slovenské pohľady*, 1922, no 38, part 3, pp. 143–146. (In Slovak)
- 17 Dostojevskij F. M. *Zločin a trest: román v 6 častiach. Book 1–2* [Crime and punishment: a novel in 6 parts. Book 1–2], translated by P. Tvrďý. Moravská Ostrava, Melantrich Publ., 1932. 373 p. Available at: https://zlatyfond.sme.sk/dielo/5137/Dostojevskij_Zlocin-a-trest-I/bibliografia (accessed 29 September 2020). (In Slovak)
- 18 Dostojevskij F. M. *Zločin a trest: román. Sväzok 1. a 2.* [Crime and punishment: a novel. Vol. 1–2], translated by [from the Russian original] Z. Jesenská. Martin, Matica slovenská Publ., 1944, 1945. 340, [1] p. 338, [1] p. (In Slovak)
- 19 Dostojevskij F. M. *Zločin a trest* [Crime and punishment], translated by Z. Jesenská; study nap. B. Rjuríková, translated by Helena Rochová. Bratislava, SVKL Publ., 1957. 648, [2] p. (In Slovak)
- 20 Dostojevskij F. M. *Zločin a trest* [Crime and punishment], translated by Z. Jesenská. Bratislava, SVKL Publ., 1965. 512 p. (In Slovak)
- 21 Dostojevskij F. M. *Zločin a trest* [Crime and punishment], translated by Ju. Klaučo. Bratislava, Petit Press Publ., 2006. 516 p. (In Slovak)
- 22 Chorváth M. K problémom nášho prekladateľstva [To the issues of our translation]. Chorváth M. *Cestami literatúry I* [On Literature's routes I]. Bratislava, Slovenský spisovateľ Publ., 1960, pp. 91–115. (In Slovak)

- 23 Jesenská Z. Z prekladateľských problémov (Na margo prekladu Bratov Karamazovcov) [About translation problems (on Margo translation of the brothers Karamazovcov)]. *Slovenská reč*, 1942/1943, no X, part 1, pp. 8–17. (In Slovak)
- 24 Klaučo J. Problém Dostojevskij [The problem of Dostoevsky]. *Slovenské pohľady*, 1981, no 97, part 11, pp. 63–72. (In Slovak)
- 25 Kopaničák J. *Dostojevskij a dnešok* [Dostoevsky and today]. Bratislava, Stimul Publ., 1994. 387 p. (In Slovak)
- 26 Králik L. *Stručný etymologický slovník slovenčiny* [Brief etymological dictionary of Slovak]. Bratislava, VEDA Publ., vydavateľstvo SAV Publ., Jazykovedný ústav Ľudovíta Štúra SAV Publ., 2015. 701 p. (In Slovak)
- 27 Lesňáková S. Štatistický prehľad prekladov z tvoby ruských spisovateľov v chronologickom poradí [Statistical review of translations from the works of Russian writers in chronological order]. In: *Ruská literatúra v slovenskej kultúre v rokoch 1836–1996* [Russian literature in Slovak culture in 1836–1996]. Bratislava, Ústav svetovej literatúry SAV Publ., 1998, pp. 32–33. (In Slovak)
- 28 Matuška A. Niekoľko slov o Dostojevskom [A few words about Dostoevsky]. *Živena*, 1943, no 33, part 1, pp. 6–7. (In Slovak)
- 29 O diele Fjodora Michajloviča Dostojevského hovorí prekladateľka A. Kostolanská [Translator A. Kostolanská on the works of Fyodor Mikhailovich Dostoevsky]. *Čas*, 02.11.1990, no 5, part 255, p. 3. (In Slovak)
- 30 Pašteková S. Transformácia obrazu ruskej literatúry (1945–1970) [Transformation of the image of Russian literature (1945–1970)]. In: *Ruská literatúra v slovenskej kultúre v rokoch 1836–1996* [Russian literature in Slovak culture in 1836–1996]. Bratislava, Ústav svetovej literatúry SAV Publ., 1998, pp. 81–96. (In Slovak)
- 31 Slovníkový portál Jazykovedného ústavu Ľ. Štúra SAV [Dictionary Portal of the Institute of Linguistics Ľ. Štúra SAS]. In: *Slovník.juls.savba.sk*. Available at: <https://slovník.juls.savba.sk/?w=staru%C5%A1ka&s=exact&c=yaf4&cs=&d=kssj4&d=psp&d=sssj&d=orter&d=scs&d=sss&d=peciar&d=hssjV&d=ber nolak&d=noundb&d=orient&d=locutio&d=obce&d=priezviska&d=un&d=pskcs&d=psken#> (accessed 29 September 2020) (In Slovak)
- 32 Tesařová J. Emancipácia slovenského prekladu z ruskej literatúry (1939–1945) [Emancipation of Slovak translation from Russian literature (1939–1945)]. In: *Ruská literatúra v slovenskej kultúre v rokoch 1836–1996* [Russian literature in Slovak culture in 1836–1996]. Bratislava, Ústav svetovej literatúry SAV Publ., 1998, pp. 66–80. (In Slovak)
- 33 Vavro J. F. M. Dostojevskij. Zločin a Trest. Roman. I., II, preložila Zora Jesenská. Vydala Matica slovenská ako 38. a 39. sväzok Prekladovej knižnice, ktorú rediguje Dr. Ján Marták. Vytlačila Neografia v Terč. Sv. Martine roku 1944 [F. M. Dostoevsky. Crime and Punishment. Roman. I., II. Translated by Zora Jesenská. Published by Matica slovenská as the 38th and 39th volumes of the Translation Library, edited by Dr. Ján Marták. Printed by Neografia in Terč. Sv. Martin in 1944]. *Slovenská reč*, 1956, no XII, part 3–4, pp. 125–128. (In Slovak)